

Созданіе элиты

(Письма о русской культурѣ).

1.

Въ то время, какъ мы пишемъ эти строки, гдѣ-то, въ темныхъ подвалахъ политическаго міра принимаются рѣшенія, которыя надолго опредѣлятъ судьбу Россіи. Нѣтъ сомнѣнія, что ближайшій день русской культуры сложится въ тѣсной зависимости отъ политическаго исхода русской революціи. Отстоятъ или нѣтъ Россія свою независимость, оборонитъ ли свою Имперію-Союзъ, или будетъ отброшена къ границамъ Вѣдкороссіи; сохранится ли, въ свѣтѣ власти, преемство Октября и созданнаго имъ отбора, или хозяевами Россіи, на извѣстное время, явятся эмигранты — подъ защитой нѣмецкихъ штыковъ, — намъ не дано знать. Но вся внутренняя жизнь Россіи на поколѣнія опредѣлится развязкой затянутаго Сталинымъ узла. Россія можетъ развиваться въ новую трудовую демократію, или пройти черезъ фашизмъ, г. е. еще черезъ новую форму фашизма, черезъ новую идеократію, новую чекистскую организацію культуры. Можно ли при такой неясности дѣлать какіе-либо прогнозы о ея культурѣ? Не крайнее ли это легкомысліе и дерзость?

Тѣмъ не менѣе, мы смѣемъ утверждать, что есть нѣкоторыя общія темы русскаго культурнаго развитія, которыя независимы, или почти независимы, отъ политики. Къ кругу такихъ темъ принадлежатъ и поставленная нами въ настоящемъ письмѣ. Какъ бы ни былъ политическій смыслъ русской революціи, ея культурное содержаніе можетъ быть описано, съ крайней схематичностью, слѣдующимъ образомъ: русская культура, доселѣ творимая и хранимая интеллигенціей, спускается въ самую глубину массъ и вызываетъ полный переворотъ въ ихъ сознаніи. То обстоятельство, что въ первый періодъ революціи большевики пытались организовать всю культуру вокругъ марксизма, имѣетъ случайное значеніе. Этотъ періодъ проходитъ, или уже прошелъ. Вмѣсто марксизма много другихъ идей и идеологій могутъ быть еще брошены въ котелъ, гдѣ плавится новое народное міросозерцаніе. Существеннымъ остается одно: все-

народный, или, скромнѣе, демократическій характеръ новой русской культуры. Никто не думаетъ, конечно, что въ Россіи высшая математика или философія стали доступны массамъ. Но культура перестала быть замкнутой или двухэтажной. Старое противоположеніе интеллигенціи и народа потеряло свой смыслъ. Отъ центра къ периферіи движеніе интеллектуальной крови совершается безъ задержекъ и перебоевъ. Россія въ культурномъ смыслѣ стала единымъ организмомъ. Этотъ фактъ непреложенъ и неотмѣняемъ. Никакія реакціи и перевороты не могутъ измѣнить его: не могутъ отнять книгу у народа или воздвигнуть стѣну между массами и національной культурой. Изъ этого факта мы исходимъ, и послѣдствія его пытаемся оцѣнить.

То, что произошло въ Россіи, не представляетъ ничего страннаго и небывалаго. Россія просто приблизилась, по своему культурному строенію, къ общеевропейскому типу, гдѣ народная школа и цивилизація XIX вѣка уже привели къ широкой культурной демократизаціи. Однако въ Россіи, въ условіяхъ небывалой революціи, этотъ давній и неизбѣжный процессъ демократизаціи культуры былъ не только форсированъ. Благодаря сознательному и полусознательному истребленію интеллигенціи и страшному пониженію уровня, демократизація культуры приобрѣтаетъ зловѣщій характеръ. Широкой волной текущая въ народъ культура перестаетъ быть культурой. Народъ думаетъ, что для него открылись всѣ двери, доступны всѣ тайны, которыми прежде владѣли буржуи и господа. Но онъ обманутъ и обворованъ. Господа унесли съ собой въ могилу — не всѣ, конечно, ключи, — но самые завѣтные, отъ потайныхъ ящиковъ съ фамильными драгоценностями. Университеты открыты для всѣхъ, въ Россіи насчитывается до 700 высшихъ школъ, но есть ли хоть одна высшая школа, достойная этого имени, равная по качеству старому университету? Въ этомъ позволительно сомнѣваться. Рабочій или крестьянскій парень, огромными трудами и потомъ стяжавшій себѣ дипломъ врача или инженера, не умѣетъ ни писать ни даже правильно говорить по-русски. Приобрѣтъ наивѣстный запасъ профессиональныхъ свѣдѣній, онъ совершенно лишенъ общей культуры и, раскрывая книгу, встрѣчаясь съ уцѣлѣвшимъ интеллигентомъ старой школы, на каждомъ шагу мучительно чувствуетъ свое невѣжество. Специалистомъ онъ, можетъ быть, и сталъ — очень узкимъ, конечно, — но культурнымъ человекомъ не сталъ и не станетъ. И не потому, конечно, что у него нѣтъ поколѣній культурныхъ предковъ, что у него не голубая кровь. Въ старой, полудворянской Россіи «кухаркинъ сынъ», пройдя черезъ школу, могъ овла-

дѣть той культурой, которая сейчасъ въ рабоче-крестьянской Россіи ему недоступна. Причина ясна и проста. Исчезла та среда, которая прежде перерабатывала, обтесывала юнаго варвара, въ нее вступавшаго, лучше всякой школы и книгъ. Безъ этой среды, безъ воздуха культуры школа теряетъ свое вліяніе, книга перестаетъ быть вполнѣ понятной. Культура, какъ организующая форма сознанія, распадается на множество безсвязныхъ элементовъ, изъ которыхъ ни одинъ самъ по себѣ, ни ихъ сумма, не являются культурой.

Дѣло не въ грамотности и не въ запасъ благородныхъ и полезныхъ свѣдѣній — по исторіи, литературѣ, мифологіи. Можно легко допустить, что съ годами, цѣной большого напряженія школьной дисциплины, въ Россіи добьются сносной орфографіи и даже заставятъ вы зубрить конспекты по греческой мифологіи. И все это останется мертвымъ грузомъ, забивающимъ головы, даже отупляющимъ ихъ, если не совершится чудо возрожденія подлинной культуры; если, перефразируя въ обратномъ смыслѣ слова Базарова, мастерская не станетъ храмомъ.

Выражаясь въ общепринятыхъ нынѣ терминахъ, въ Россіи развивается и имѣетъ обезпеченное будущее цивилизація, а не культура. И наше отношеніе къ этому будущему — оптимистическое или пессимистическое — зависитъ отъ того, къ какому стану мы причисляемъ: къ стану цивилизаціи или культуры. Водораздѣлъ проходитъ довольно четкій, — какъ здѣсь, въ эмиграціи, такъ и въ рядахъ старой интеллигенціи тамъ, въ Россіи. Это различіе можно опредѣлять по разному: какъ различіе качества и количества или образованія гуманистическаго и реалистическаго. Последнее опредѣленіе можно формулировать точнее: культура построена на приматѣ философски-эстетическихъ, а цивилизація — научно-техническихъ элементовъ. Но мы и быть опредѣленій понимаемъ, въ чемъ дѣло. Начиная съ 90-хъ годовъ, русская интеллигенція раздѣлилась на два лагеря — не по политическимъ настроеніямъ, но какъ разъ по линіи различнаго пониманія культуры. Бои между людьми культуры и цивилизаціи велись жаркіе, даже ожесточенные. Къ началу войны они заканчивались относительнымъ торжествомъ культуры. Философія, эстетика овладѣвали твердынями «завѣтовъ», завоевали позиціи въ толстыхъ журналахъ, въ школѣ, въ газетѣ. Однако, ихъ торжество было недолговѣчнымъ. Народныя массы оставались чуждыми этому культурному ренессансу. Онѣ едва просыпались отъ средневѣковаго сна къ диковинкамъ соблазнительной цивилизаціи. Чудеса науки и техники дѣйствовали неотразимо на дѣтскіе умы, вчера еще жившіе

вѣрой въ чудотворныя иконы и мощи. Обвалъ стараго религіознаго міровоззрѣнія былъ рѣзокъ и катастрофиченъ. вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилась новыя ножицы между интеллигенціей и народомъ, совершенно обратныя расхожденіямъ 60-хъ и 70-хъ годовъ. Народъ оказался духовно въ 18 вѣкѣ, когда интеллигенція вступила въ 20-ый. Большевицкая революція не создала этого конфликта, — она лишь трагически углубила его.

Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что большевизмъ былъ возвращеніемъ къ традиціямъ 60-хъ годовъ. Конечно, въ нравственномъ смыслѣ нельзя и сравнивать Ленина съ Чернышевскимъ. Но умственный складъ ихъ былъ сходенъ: недаромъ Чернышевскій вошелъ въ творимую легенду революціи, какъ предтеча большевизма. Можно было бы утверждать даже, что большевики кое въ чемъ смягчили вандализмъ Гинсаревыхъ: никто уже не думалъ теперь о разрушеніи эстетики или о развѣщаніи Пушкина. Въ этомъ смыслѣ усилія послѣдняго поколѣнія рыцарей культуры не прошли даромъ. Имъ мы обязаны тѣмъ, что разрушительный разливъ русской революціи остановится передъ нѣкоторой культурной преградой. Безъ «Міра Искусства» была бы невозможна «Охрана памятниковъ старины». Характерно, что беспощадное разрушеніе церквей и старины началось уже тогда, когда ушелъ въ могилу или въ тюрьму первый интеллигентскій строй сподвижниковъ Ленина: всѣ эти Муначарскіе, Каменевы, Троцкіе (или Троцкія), которые не остались чужды культурѣ XX в. Сталинъ отъ нея совершенно свободенъ, какъ и тотъ низовой, полуграмотный слой, который онъ вызвалъ съ собою къ власти. Культурный вандализмъ большевизма разгулялся тогда, когда революціонный духъ его уже выдохся. Этотъ парадоксальный фактъ показываетъ, что самый страшный врагъ культуры въ Россіи — не фанатизмъ, а тьма и даже не просто тьма, а тьма, мнящая себя просвѣщеніемъ, суетѣріе цивилизациі, поднявшее руку на культуру.

Мы здѣсь, за рубежомъ, мучительно переживаемъ распродажу картинъ изъ Эрмитажа, какъ неисцѣлимую рану, нанесенную русской культурѣ. Не думаю, чтобы широкія массы въ Россіи были хоть сколько-нибудь ею взволнованы. Продать картины, чтобы купить машины или хлѣбъ — должно было казаться естественнымъ. Тѣмъ болѣе, что убыль качества покрывалась ростомъ количества. Эрмитажъ все разрастается, захватывая чуть ли не весь Зимній Дворецъ свезенными отовсюду музейными вещами. Безконечныя экскурсіи, дефилирующія цѣлый день по его заламъ, смогутъ ли замѣтить исчезновеніе нѣсколькихъ шедевровъ въ этомъ морѣ картинъ, отъ котораго голова

идеть кругомъ? Для нихъ, для цивилизаціи — все на мѣстѣ. И цивилизаціи нуженъ музей, но по другому нуженъ, чѣмъ культурѣ. Одни люди влюбляются въ картину и цѣлую жизнь посвящаютъ ей культу, другіе — глазѣютъ, спѣша отбыть «культурную» повинность и сдѣлать «соціологическіе» выводы изъ запечатлѣнной на полотнѣ трагедіи.

Но, вѣдь, такой была, въ массѣ своей, и русская интеллигенція 60-хъ, 70-хъ, 80-хъ годовъ. Эти поколѣнія еще не исчезли изъ жизни, а исчезая оставили наслѣдниковъ. Современная молодежь и здѣсь, за рубежомъ, опять откровенно предпочитаетъ техническую цивилизацію — эстетической и философской культурѣ. Для старыхъ семидесятниковъ и для молодыхъ людей «тридцатыхъ» годовъ драма русской культуры одинаково не существуетъ. Просвѣщеніе въ Россіи разливается неудержимо. Тиражъ книгъ доходитъ до милліоновъ. Всѣ широкотелости и пробѣлы сегодняшняго дня будутъ завтра исправлены и Россія, дѣйствительно, догонитъ и обгонитъ Америку.

Да, Америку... Ее догнать нетрудно. Не сомнѣваемся, что «Новая Америка» сможетъ многое организовать и лучше старой. Но что же въ ней будетъ отъ Россіи? Почему этотъ евразійскій континентъ стоить нашей любви болѣе, чѣмъ всѣ другіе, превращающіеся на нашихъ глазахъ въ унылое единообразіе планеты?

Мы, несогласные на Россію-Америку — и чающіе для нея много, высшаго будущаго, обязаны имѣти мостъ отъ нашей мечты къ дѣйствительности. Что дѣлать намъ здѣсь сейчасъ, и завтра тамъ, чтобы, если возможно, отклонить «ходъ исторіи», согнуть «железную необходимость»? Словомъ, еще разъ обойти Гегеля, какъ Ленинъ разъ уже обошелъ Маркса. Противъ теченія!

Разумѣется, жизнь и смерть культуры, въ отличіе отъ цивилизаціи, заключаютъ въ себѣ огромный элементъ ирраціональнаго. Никто не знаетъ, почему расцвѣтаетъ и почему чахнетъ искусство. Всѣ наши самыя героическія усилія не могутъ создать генія, который опредѣляетъ на вѣка содержаніе культуры и даетъ ей извѣстную форму. Но мы можемъ создать условія благоприятныя — не для появленія геніевъ, а для ихъ роста и ихъ вліянія. Да развѣ одни геніи движутъ культурой? Тысячи работниковъ ведутъ плугъ по указанной учителемъ бороздѣ. Культура, какъ и цивилизація, нуждается въ организаціи, въ школѣ, въ трудовой дисциплинѣ. И Адамъ былъ призванъ «создѣлывать рай», — иными приѣмами, конечно, чѣмъ воздѣлываетъ свое поле американскій фермеръ. А геніевъ мы имѣли до-

статочно за истекшій вѣкъ. Врядъ ли другой народъ имѣлъ столько великихъ людей за одно столѣтіе. Богъ не обидѣлъ Россію. Только бы намъ оказаться достойными этого наслѣдства. И не только сохранить, но и творчески приумножить его, — что, въ сущности, одно и то же.

Проблема культуры, въ отличіе отъ цивилизаціи, имѣетъ два аспекта, допускающихъ оба сознательное воспитательное и общественное усиліе. Культура отличается отъ цивилизаціи, во-первыхъ, иной направленностью интересовъ; во-вторыхъ, приматомъ качества надъ количествомъ. Въ настоящій историческій день обѣ проблемы сводятся къ одной: какъ возсоздать въ Россіи тотъ разрушенный революціей культурный слой, который былъ бы способенъ поднять качество культурной работы и передвинуть центръ интересовъ съ вопросовъ техники къ вопросамъ духа *).

2.

Созданіе элиты, или духовной аристократіи, есть задача, прямо противоположная той, которую ставила себѣ русская интеллигенція. Интеллигенція нашла готовымъ культурный слой, главнымъ образомъ дворянскій по своему происхожденію и отдѣленный отъ народа стѣной полного непониманія. Она поставила своей цѣлью разрушить эту стѣну любой цѣной, хотя бы уничтоженія самого культурнаго слоя, ради просвѣщенія народа. Опуститься самимъ, чтобы дать подняться народу, — въ этомъ смыслъ интеллигентскаго «кенозиса» или народничества. Русское народничество, какъ культурное умястроеніе, много шире того соціально-политическаго теченія, которое называется этимъ именемъ. За немногими исключеніями, почти вся интеллигенція раздѣляла его основныя предпосылки. И это было для нея тѣмъ легче, что основной темой предшествующей, петровской, императорской эпохи было «просвѣщеніе». Просвѣщеніе предполагаетъ истину, данной, систему культурныхъ цѣнностей уже установленной. Для торжества истины нужно лишь пообѣщать къ ней темныя массы. Просвѣщеніе, или цивилизація Россіи была, конечно, насущной необходимостью, вопросомъ ея существованія. Но преобладаніе этой темы налагаетъ на весь 18 вѣкъ, при всемъ его ви́шнемъ великолѣпьи, печать элементарности. Творческая эпоха, въ сущности, начинается въ Але-

*) Интересныя соображенія Г. П. Федотова относительно метода возсозданія русской культуры, не бесспорны въ отдѣльныхъ частностяхъ, остаются на отвѣтственности автора. — Ред.

ксандровскіе годы, чтобы, через нѣсколько десятилѣтій, смѣниться просвѣтительнымъ народничествомъ. Различіе между просвѣщеніемъ петровскимъ и народническимъ весьма существенно, хотя легко ускользаетъ отъ наблюдателя. Просвѣтитель стремится поднять до себя просвѣщаемую массу, народникъ — спуститься до нея. Конечно, и народникъ спускается, чтобы поднимать — по крайней мѣрѣ, въ своемъ дневномъ сознаніи, — и просвѣтитель долженъ популяризировать, т. е. принимать свою истину. Но для послѣдняго всего дороже истина, для перваго — народъ, т. е. люди. Первый движется интеллектуальнымъ и эстетическимъ увлеченіемъ истиной, второй нравственнымъ стремленіемъ къ равенству. Какіхъ только жертвъ не приносить народникъ на алтарь равенства! Н. К. Михайловскій рѣзко формулировалъ юношескія крайности своего поколѣнія. «Пусть насъ съкутъ! Мужика съкутъ же». Это жертва свободой, т. е. самымъ дорогимъ для русской интеллигенціи. Что же сказать о наукѣ, искусствѣ, философій? Щедринъ любилъ высмѣивать благонамѣренныя общества, которыя выпускаютъ «101 томъ трудовъ». Какія общества имѣли въ виду сатирикъ? Вѣроятно, тѣ историческія, географическія и филологическія общества, труды которыхъ являются теперь для насъ неисчерпаемымъ источникомъ познанія Россіи и исполняютъ насъ законной гордостью за русскую науку. Щедринъ смѣялся надъ трудами академій. Врядъ ли ему приходило въ голову смѣяться надъ учебниками для народныхъ школъ. Народная школа была созданіемъ интеллигенціи и ея гордостью. Академія Наукъ казалась роскошью, излишествомъ. Званіе народнаго учителя и было самымъ почетнымъ въ Россіи. Званіе профессора было — и осталось — почти браннымъ словомъ. Считалось аксіомой, что культура (т. е. цивилизація) растетъ снизу, а не сверху. Я зналъ одного стараго чудака, который говорилъ: «Вѣдь, и человекъ растетъ не съ головы, а съ ногъ». Существованіе образованной элиты въ безграмотной странѣ считалось аномаліей, чѣмъ-то вроде помѣщичьихъ оранжерей и крѣпостныхъ балетовъ. Большевики, при всемъ своемъ марксизмѣ, раздѣляли (и даже до крайности обострили) это народническое пониманіе культуры. Они сдѣлали опытъ: все для народа, цѣною разрушенія высшихъ этажей культуры. Университетъ былъ полуразрушенъ, зато СССР гордится почти поголовной грамотностью. Но вотъ при первой попыткѣ поднять эту грамотность хотя бы до уровня грамотности орографической, встрѣтилось неожиданное (!) препятствіе: то, что называется на условномъ милитаристическомъ жаргонѣ — проблема кад-

ровъ. Нѣтъ учителей. Чтобы создать народныхъ учителей, надо имѣть приличную среднюю школу; чтобы создать среднюю школу, надо имѣть университетъ. Такъ, на собственномъ, т. е. народномъ лбѣ, большевики опытно провѣрили народническую философію культуры, и отрицательно оправдали дѣло Петра. Да, въ отсталой и дѣвственно-невѣжественной странѣ нужно начинать съ Академіи Наукъ, а не съ народной школы. Такимъ путемъ шель весь міръ. Западная Европа имѣла «Академію» при Карлѣ Великомъ, а народную школу лишь въ XIX вѣкѣ. Просвѣщеніе разливается, какъ вода, заполняя высокія водохранилища, чтобы перелиться, если не черезъ край, то по желобамъ или шлюзамъ, все въ болѣе низкіе водосемы. Народничество предпочитало болѣе органическія сравненія: съ ростомъ дерева, наприимѣръ. Земля, при этомъ, представлялась источникомъ творческихъ силъ: все изъ народа. Народъ, и именно низы его, творять изъ себя свою интеллигенцію, которая поднимается все выше и выше, не отрываясь отъ массы. Таковъ идеальный порядокъ культуры, нарушенный аристократическимъ или буржуазнымъ грѣхопаденіемъ. Что можно возразить на это? Оставаясь въ границахъ органическихъ символовъ, приходится сказать, что земля сама ничего не производитъ. Свѣтъ падаетъ сверху въ ея лоно, которое лишь питаетъ его. Растеніе столько же дитя солнца, какъ и земли. Безотцовская, лишь материнская, народническая или земная сила всегда остается темной и бесплодной. Порывъ личности къ свѣту, къ солнцу, къ свободѣ неизбежно создаетъ надрылъ, если не разрывъ ея связей со средой, съ материнскимъ лономъ народа. Неизбѣжна драма непониманія, отчужденія, борьбы. Народъ идетъ за духовными вождями противъ воли, упираясь, — всякій народъ, хотя бы и высоко культурный. Масса, въ которую бросали просвѣщеніе подвижники 18 вѣка, была еще почти исключительно дворянской, какъ дворянской, и даже вельможной была та чернь, которую бичевалъ Пушкинъ. Есть, правда, разстоянія, которые оказываются пропастью. Такія пропасти могутъ поглотить государство, это былъ случай Россіи. Но для Россіи заполненіе пропасти требовало методовъ просвѣщенія, а не народничества, отъ Академіи къ народной школѣ, а не обратно.

Но теперь вопросъ ставится уже не о возвратѣ отъ народничества къ просвѣщенію, а о дальнѣйшемъ шагѣ — отъ просвѣщенія къ творчеству. За просвѣщеніе мы можемъ быть спокойны. И государство и народъ, т. е. всѣ слои его, одинаково въ немъ заинтересованы. Въ сущности, оно нуждается лишь въ матеріальныхъ средствахъ и организации. Оно можетъ пока

еще — и долго — совершаться въ Россіи самотекомъ, т. е. по инерціи, силой разбуженной въ массахъ жажды знанія.

Иное дѣло творчество, т. е. культурное творчество. Работа для него потребуетъ методовъ кореннымъ образомъ отличныхъ отъ народническихъ. Методовъ, не только непривычныхъ для насъ, но и прямо враждебныхъ нашимъ «завѣтамъ».

Поставить творчество впереди просвѣщенія то же самое, что въ хозяйственной жизни подчеркнуть производство передъ распределеніемъ. Логически можетъ ли быть иначе? Прежде чѣмъ распределѣть, нужно, чтобы было, что распределѣть. Лишь XIX вѣкъ съ его титаническимъ, почти стихійнымъ ростомъ производства, какъ и культурнаго накопленія, приучилъ насъ поверхностно скользить надъ проблемою производительныхъ силъ. Соціализмъ сводился къ проблемѣ распределенія. Понадобилось тоталитарное осуществленіе социализма въ СССР, чтобы вопросы производства встали въ порядокъ дня. Производство падаетъ. Мощный потокъ хозяйственной энергіи, вчера, казалось, неистощимой, иссякаетъ, какъ степной ручей. Нужны планомѣрныя и сознательныя усилія, чтобы оживить его. Сюда относится борьба съ «уравниловкой», преміальные тарифы, стахановщина, возстановленіе кадровъ, техническое образованіе. Обобщая, можно было бы сказать: созданіе неравенства, или технической элиты. Слѣдуетъ признать, что основное направленіе технической политики выбрано правильно. Страна должна создать свою техническую элиту, если хочетъ выбиться изъ нищеты. Лишь органическое головоутипство режима (отчасти совпадающее съ самымъ духомъ большевизма) губить всѣ разумныя начинанія.

Въ сферѣ духовной культуры меньше мѣста плановому вмѣшательству, организаціи, больше свободѣ, ирраціональнымъ силамъ духа. Но основная проблема воспитанія и здѣсь та же самая: созданіе элиты, культурнаго неравенства. Потрясенные фактомъ общественнаго неравенства — дѣйствительно безнравственнаго и уничтожающаго возможность подлиннаго національнаго общенія, — мы проглядѣли цѣнность и вѣчность духовной іерархіи. Должно быть разстояніе между учителемъ и ученикомъ, между писателемъ и читателемъ, между мыслителемъ и популяризаторомъ. Иначе не чему будетъ учить. Напряженность восходящаго движенія къ культурѣ пропорціональна разстоянію ея полюсовъ — если только связь между ними не утрачена: такъ сила тока пропорціональна разности потенциаловъ. Конечно, разстояніе между полюсами должно быть заполнено посредствующими дѣятелями; строеніе культурнаго міра ступенчато, іерархично. Академикъ не долженъ, да и не

может, не умѣть преподавать въ народной школѣ. Вотъ то, чего у насъ не одни большевики, но почти никто не понимаетъ. Непосредственное творчески-трудоовое общеніе происходитъ между смежными звеньями іерархіи. Тогда — и только тогда по слову Данте, *tutti tirati son e tutti tirano* — «всѣ влекомы и всѣ влекутъ».

И, наконецъ, отрѣшаясь отъ всѣхъ соображеній педагогической цѣлесообразности и даже общественнаго блага, надо отдать себѣ отчетъ въ томъ, для чего, собственно, существуетъ культура. Культура ли для народа или народъ для культуры? Единственный смыслъ существованія націи — въ ея творчествѣ: въ открытой ею истинѣ, въ созданной красотѣ, въ осуществленной или прозрѣваемой ею правдѣ. Хотя сказано, что суббота для человѣка, но человѣкъ — для Бога. Суббота относится къ цивилизаціи.

Наша радость о Греціи, наша благодарность ей за созданное ею вѣчное достояніе омрачается, правда, мыслью о рабствѣ, объ узости того социальнаго слоя, который былъ носителемъ ея культуры. Но кому серьезно придетъ въ голову отказаться отъ этого наслѣдія (т. е. въ духовномъ смыслѣ отвергнуть его) лишь потому, что оно пахнетъ рабствомъ? Или отъ великой русской культуры — которая почти вся вскормлена крѣпостнымъ строемъ? Неравенство, въ самыхъ тяжкихъ социальныхъ формахъ, до нынѣшняго дня было необходимымъ условіемъ высшей культуры: таковъ законъ социальнаго грѣхопаденія. Лишь наше время — впервые въ исторіи міра, благодаря неслышанному накопленію матеріальныхъ средствъ сдѣлало возможнымъ — показѣть только теоретически — культуру, построенную, если не на равенствѣ, то на общности, на всенародномъ общеніи, на безклассовомъ, въ экономическомъ смыслѣ, обществѣ. Это наше счастье, наша привилегія. Сумѣемъ ли мы воспользоваться ею? Лишь въ томъ случаѣ, если на почвѣ экономическаго почти-равенства сумѣемъ создать культурное неравенство, іерархію духовной элиты. Надо постоянно повторять это, кричать объ этомъ, — въ наши дни, когда не въ одной Россіи, а въ половинѣ Европы торжествующая демагогія хочетъ обезглавить элиту и утопить ее въ красномъ, черномъ, коричневомъ, но по существу всегда сѣромъ національномъ однообразіи.

3.

Созданіе элиты въ Россіи дѣло не столь безнадежное, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Прежде всего, въ какой-

то мѣрѣ, она существуетъ. Въ Россіи работаютъ ученые съ мировымъ именемъ. Время отъ времени выходятъ художественныя изданія, тонкія книги по литературѣ и искусству. Доходятъ изрѣдка письма, свидѣтельствующія о неистребимости старой интеллигенціи. Старый режимъ оставилъ большевикамъ въ наслѣдство не только сотни ученыхъ, но и тысячи «аспирантовъ». Ими и по сію пору питается русская совѣтская наука. Большинство писателей — выходцы изъ иной среды, дѣти новой Россіи и, въ смыслѣ культуры, врядъ ли удовлетворяютъ строгимъ требованіямъ. Но элита, или, вѣрнѣе, ядро ея существуетъ. Она разбѣяна, придавлена, измучена, лишена корпоративнаго сознанія. Но она не только существуетъ, она способна расти. Этотъ приростъ ея, или ея накопленіе можетъ совершаться изъ трехъ источниковъ: изъ подрастающихъ поколѣній старой интеллигенціи, изъ новаго правящаго слоя и изъ народныхъ низовъ.

Мы знаемъ, что многіе изъ представителей интеллигенціи, старѣющей, обезсиленной и уходящей изъ жизни, сумѣли, дѣльно героическихъ усилій, дать своимъ дѣтямъ образованіе, соответствующее требованіямъ старой Россіи. Молодежь духовно далеко ушла отъ отцовъ, большинство прошли черезъ комсомоль и черезъ увлеченіе сталинскимъ строительствомъ, но культурный отпечатокъ сохранился. Сейчасъ они, конечно, пережили горькое похмелье. Иные сумѣли чудомъ сохраниться и духовно. Эта молодежь и будетъ носительницей культурнаго преемства.

Новый правящій слой, который сформировался въ Россіи и уже рѣзко отталкивается отъ народной массы, связанъ исключительно съ государствомъ и службой. При всемъ стараніи его ишбенне подтянуться и лакироваться, при всѣхъ усиліяхъ его цивилизаціи, внутренне сль остается совершенно варварскимъ. Сравненіе съ обществомъ директоріи или Наполеоновской Имперіи окажется далеко не въ его пользу. Новые люди подчасъ играютъ въ меценатовъ, ведутъ дружбу съ писателями, подражая Сталину, но, конечно, ни въ какой элитѣ имъ нѣтъ мѣста. Однако, они стараются дать своимъ дѣтямъ лучшее образованіе: приглашаютъ частныхъ учителей, учатъ иностраннымъ языкамъ. Золотая молодежь вступаетъ въ жизнь морально развращенной, ладкой на привилегіи, жадной до успѣха. Но по своему уровню она можетъ быть вѣдрымъ источникомъ для питанія элиты. Вліяніе потомковъ старой интеллигенціи, переломъ духовной направленности можетъ спаять ихъ въ одинъ слой.

Наконецъ, выходцы изъ народа. Мы знаемъ, что пора равенства въ Россіи прошла, что массы отброшены назадъ въ

своемъ социальномъ бытѣ и самосознаніи. Тѣмъ не менѣ порывъ революціи для нихъ не прошелъ безслѣдно. Тяга къ знанію, къ цивилизаціи огромна. Среди пробивающихся себѣ дорогу посредственностей, сильныхъ только волчьей хваткой или лисьей способностью къ приспособленію, есть и настоящіе таланты. Вспомнимъ хотя бы объ успѣхахъ музыки, о совѣтскихъ пѣвцахъ и піанистахъ. Правда, талантъ одно, а культура другое. Геніальный Шалапинъ, какъ и очень талантливый Горькій, такъ и не могли до конца слиться съ русскимъ культурнымъ слоемъ. Но при огромномъ матеріалѣ и строгомъ отборѣ даже сейчасъ возможенъ притокъ культурныхъ единицъ изъ низовъ. Нѣсколько сотенъ изъ милліоновъ. Впослѣдствіи пригодная система образованія значительно расширить этотъ притокъ.

Какимъ образомъ изъ этихъ матеріаловъ можетъ создаться элита? Въ двухъ словахъ: путемъ отбора и концентраціи. Культурныхъ людей въ Россіи еще немало. Но они разсыпаны въ ея страшныхъ пространствахъ. Погруженные въ море варварства, они окрашиваются въ его защитный цвѣтъ. Лишенные общенія, они обречены на безплодіе. Соберите ихъ, сдѣлайте ихъ участниками національной бесѣды, и жизнь вспыхнетъ, какъ огонь изъ сухого дерева подъ фокусомъ оптического стекла. Этотъ отборъ и концентрація могутъ, и должны, происходить двумя путями: государственнымъ и частнымъ. Не можетъ не быть государственной въ наше время организаціи науки. Въ Россіи, вѣроятно, нѣтъ ни одной подлинной высшей школы. Но есть Академія Наукъ. Она разбухла, наводнена поту-учеными и политическими агитаторами. Нужно начать съ ея чистки. Очищенная, Академія и въ настоящее время будетъ представлять солидное ученое учрежденіе — какого не было у Петра, когда онъ задумывалъ созданіе науки въ Россіи. Академія безъ труда отберетъ изъ 700 высшихъ (!) школъ профессорскіе кадры для одного университета. Другой она можетъ обслуживать сама. Не будемъ бояться, что, оттягивая всѣ лучшія силы въ центръ, мы обездолимъ провинцію. Задача возстановленія центровъ стоитъ на первомъ планѣ и должна проводиться безстрашно. Два университета на Россію, уже сейчасъ, но настоящихъ, — это не слишкомъ смѣлая мечта. Труднѣе найти студентовъ. Но здѣсь отборъ лучшихъ учениковъ производится изъ десятковъ тысячъ школъ. Можно представить себѣ, что такой строгій отборъ дастъ исключительно даровитый составъ молодежи, съ которой можно начинать дѣло. Ея подготовка будетъ все-таки недостаточной. Для будущихъ студентовъ должны быть сразу же открыты двѣ классическихъ шко-

лы, весьма замкнутыя и привилегированныя, какъ и первые университеты. Но привилегіи обезпечиваются исключительно знаниями и способностями. Черезъ 10 лѣтъ историко-филологическіе факультеты, наиболѣе обезкровленные теперь, будутъ пополняться прекраснымъ составомъ слушателей, какихъ не имѣлъ и нашъ старый демократическій университетъ. Главное дѣло университета будетъ состоять не въ чтеніи популярныхъ лекцій, а въ лабораторно-семинарскихъ занятіяхъ для подготовки будущихъ ученыхъ. Неизбѣжно придется посылать молодежь за-границу — на первое время въ широкихъ размѣрахъ — для научнаго усовершенствованія. Слишкомъ долго длилась искусственная изоляція Россіи отъ Европы за десятилѣтія революціи. И прежде всего этотъ путь на Западъ долженъ быть открытъ для сотенъ молодыхъ ученыхъ новой формаціи — даже для тѣхъ, кто занимаетъ въ Россіи командныя мѣста. Большинство изъ нихъ, конечно, претерпятъ *deminutio capitis*, какъ и вся масса высшихъ школъ превратится въ техническіе и обще-образовательные курсы. Просвѣтительная работа, количественная и экстенсивная — можетъ не прерываться и не сокращаться. Она лишь потеряетъ свои необоснованныя претензіи и титулы.

Таковъ государственный планъ возсозданія научной элиты. Захочетъ ли государство проводить его, мы не знаемъ. Если пореволюціонная власть останется въ рукахъ людей, созданныхъ революціей, то мы не можемъ ожидать отъ нихъ настоящаго пониманія культуры и ея задачъ. Культурной элитѣ придется, можетъ быть, выдержать не легкій бой — за Академію, за университетъ, за классическую школу. Но эта борьба не безнадежна. Проблема качества и проблема кадровъ пробиваютъ уже въ Россіи самые темные мозги.

Во всякомъ случаѣ, передъ остатками и новыми ростками интеллигенціи остается другой путь: путь общественнаго, вольнаго воспитанія элиты и созданія въ Россіи культурнаго воздуха. Когда интеллигенція получитъ возможность дышать и думать вслухъ, она почувствуетъ непреодолимую тягу къ объединенію — въ кружки, въ группы, въ общества. Одна потребность говорить на своемъ языкѣ, съ людьми, понимающими собесѣдника съ полуслова, сдѣлаетъ свое дѣло. Вѣдь до сихъ поръ интеллигенція въ Россіи живетъ, какъ колонія европейцевъ среди цвѣтныхъ расъ — съ той только разницей, что здѣсь бѣлые нодятся въ рабствѣ у цвѣтнхъ. Эта интеллигенція давно отвыкла отъ политики, потеряла всякій вкусъ къ ней. Зато работа культурная приняла для нея характеръ почти религіознаго служенія. Задача возсозданія культуры въ Россіи

можетъ стать дѣломъ жизни и призваніемъ цѣлаго поколѣнія — я хочу сказать, чисто формальная задача культуры — безотносительно къ ея цѣнности содержанію. Объединенія интеллигенціи могутъ имѣть различныя формы: отъ салоновъ и кружковъ до правильно организованныхъ культурныхъ обществъ. Ихъ цѣли и работа могутъ быть самыми разнообразными: релігіозныя, философскія, историческія, литературныя, «общества ревнителей русскаго языка и грамматики», «общества любителей латинскаго и греческаго языка» и т. п. Въ самыхъ глухихъ мѣстахъ невозможна специализация: культурные люди просто тянутся другъ къ другу отвести душу за чашкой чая, поговорить о новой или старой книгѣ. Но выше уже необходимо раздѣленіе интересовъ и труда. Нечего бояться пуризма и педантизма. Старый опытъ интеллигентской кружковщины предостерегаетъ скорѣе отъ другой опасности: дилетантскаго всезнайства. Да и самая задача новой элиты иная: не рѣшеніе всѣхъ вѣковѣчныхъ вопросовъ жизни, а культурное воспитаніе для работы, для восхожденія по ступенямъ духовной іерархіи. Когда приходится бороться за русскій языкъ или за культурную грамотность, кружки или салоны должны проявлять такую же строгость, какъ университеты. Доступъ въ нихъ долженъ быть труденъ и ограниченъ. Важно лишь одно: чтобы въ основѣ этой замкнутости не лежало никакихъ старыхъ сословныхъ или политическихъ реинисценцій. Старая интеллигенція должна соединиться съ новой на единственномъ условіи равнаго качества. Новые люди принесутъ съ собой новые взгляды; возникнетъ плодотворная борьба идей, которая помѣшаетъ интеллигентскимъ группамъ вырождаться въ безплодныхъ хранителей завѣтовъ, себя пережившихъ и никому не интересныхъ.

Гораздо важнѣе всякой просвѣтительной литературы въ Россіи завтрашняго дня созданіе литературы для избранныхъ, для немногихъ. Книгъ, совершенно свободныхъ отъ заботы — не о читателѣ, конечно, но о грамотности читателя. Вы не понимаете? — значитъ, это не для васъ. Ищите болѣе подходящей литературы, только и всего. Для кого же тогда писать? Опытъ эмигрантской литературы показываетъ, что 300 читателей уже обезпечиваютъ сбытъ книгъ. Триста читателей изъ необъятной Россіи найдутся на всякую книгу. Печатать мы будемъ, но это потребуетъ отъ всѣхъ насъ жертвъ. Интеллигенціи придется измѣнить свое отношеніе къ книгѣ, какъ къ почти бесплатному общественному продукту, за которымъ идутъ въ бібліотеку. Нѣкоторыя книги надо будетъ вырѣзывать изъ скромнаго бюджета, покупать ихъ цѣною поста.

За всѣми внѣшними формами организаціи элиты и ея работы, стоитъ ея духовная организація. Говорятъ нерѣдко, что старая русская интеллигенція была орденской. Она имѣла не внѣшнюю организацію ордена, но его внутреннее самосознаніе. Была исполнена сознаниемъ своей миссіи и своей выдѣленности изъ толпы. Выдѣленности не для привилегій, а для страданій и борьбы. При всѣхъ измѣнившихся условіяхъ, при иной, противоположной даже направленности, новая элита не меньше старой нуждается въ орденскомъ самосознаніи. Только ея образцомъ будетъ не столько массонство, сколько средневѣковъ клиръ, организовававшій свою латинскую культуру вокругъ общезначимой и всенародной церкви. Жертвъ и страданій новое подвижничество во имя культуры потребуетъ немало — можетъ быть, не меньше политическаго подвижничества старой интеллигенціи. Однако новая анти-келотическая направленность требуетъ и новой этики: этики не столько самоуничтоженія, сколько достоинства. Нынѣ поставленная на колѣни передъ властью и народомъ, новая элита, во имя достоинства культуры, должна потребовать и уваженія къ себѣ. Должна научиться бороться за свое собственное достоинство и право, умѣя отличать достоинство отъ интерессъ и право отъ привилегій. Она должна занять въ обществѣ подобающее ей мѣсто: не привилегированной касты, но всѣми признанной духовной аристократіи. Мѣсто перваго среди равныхъ.

4.

Достоинство интеллигенціи — не въ противопоставленіи ея народу. Перо и кисть не должны противопоставляться серпу и молоту. Если будущая Россія, какъ впрочемъ и вся пережившая социальную революцію Европа, будетъ организована корпоративно или профессионально, интеллигенція должна занять свое мѣсто среди трудовыхъ корпорацій или союзовъ. Идея труда не противна высокому строю культуры, — болѣе того, она созвучна нашему современному пониманію творчества. Мы всѣ ставимъ ремесло подножіемъ искусству. Современный университетъ въ своей организаціи хранитъ слѣды своего корпоративнаго происхожденія; это послѣдняя изъ сохранившихся средневѣковыхъ гильдій. Художники Ренессанса всѣ сознавали себя людьми ремесла и цеха. Таковы и средневѣковые миннезингеры. Лишь романтизмъ противопоставилъ вдохновеніе труду, и въ этомъ было его трагическое заблужденіе. Мы всѣ — и люди науки и люди искусства — возвращаемся теперь къ древнимъ

и вѣчнымъ основамъ искусства-ремесла — *techné, ars* — и не гнушаемся высокимъ званіемъ работника. Признаюсь, «работникъ науки» звучитъ для меня честнѣе, чѣмъ «ученый», въ которомъ много самоиѣнія. Кто, по совѣсти, можетъ назвать себя ученымъ? Мы все учимся и учимъ, и въ этомъ видимъ наше право на уваженіе. А творческимъ долженъ быть всякій трудъ, трудъ столяра не менѣе труда живописца.

Поэтому интеллигенція не должна возражать противъ включенія ея въ систему общенациональныхъ трудовыхъ корпорацій. Но въ то же время она должна бороться за первое мѣсто среди нихъ. Ненормально, чтобы это мѣсто было занято металлистами, какъ въ коммунистической Россіи, или земледѣльцами въ возможной Россіи крестьянской. Первое мѣсто интеллигенціи предполагается іерархіей цѣнностей въ системѣ національнаго производства. Мысль, слово, форма и звукъ важнѣе, выше практическихъ матеріальныхъ вещей, ибо имѣютъ болѣе близкое отношеніе къ цѣли культуры, къ самому смыслу существованія націи. Телос, конечная цѣль, опредѣляетъ мѣсто каждаго звена въ системѣ іерархіи. Мѣсто мыслителя и художника непосредственно вслѣдъ за святымъ и рядомъ со священникомъ въ нормальной іерархіи. Но святость не принадлежитъ къ іерархіи социальной.

Корпоративная организація интеллигенціи, конечно, не должна означать непременно корпоративной организаціи ея труда и творчества. Трудъ ея можетъ быть или совершенно личнымъ (поэтъ) или корпоративнымъ (академическій ученый) или лично-общественнымъ (музыкантъ), но корпорація сейчасъ болѣе, чѣмъ когда-либо, необходима для защиты социального достоинства интеллигенціи. Мы сознательно говоримъ о достоинствѣ, а не съ интересъ, ибо не считаемъ задачей для борьбы за матеріальные интересы интеллигенціи. Болѣе того, мы боимся, что борьба за матеріальные интересы, за болѣе высокое вознагражденіе можетъ повредить ея достоинству. Внутри каждой профессіи, какъ интеллигентной (!), такъ и механической (!) неизбежна далеко расходящаяся скала вознагражденій — отъ ученика до мастера и до мастера единственнаго въ своемъ цехѣ. Но между цехами не должно быть принципиальнаго неравенства. Намъ не слѣдуетъ притязать на уровень жизни высшій уровня рабочей или крестьянской семьи — при условіи, если народное хозяйство дастъ возможность для всѣхъ жить безбѣдно. Болѣе того, намъ духовно легче переносить и бѣдность, ибо нашъ трудъ даетъ высшее удовлетвореніе. Художникъ готовъ голодать ради своего искусства, но ни одинъ ремеслен-

никъ не будетъ голодать ради своего ремесла, ибо онъ не служить ремеслу, а живетъ имъ.

Неравенство матеріальное, вырастающее на почвѣ культуры, можетъ компрометировать ея достоинство въ глазахъ массъ, какъ богатство Церкви или даже слишкомъ большая ея обеспеченность содѣйствуетъ росту сектъ и анти-церковныхъ движеній. Съ другой стороны, соблазнъ комфортабельной жизни можетъ вызвать приливъ въ ряды интеллигенціи людей, ей чуждыхъ по духу, карьеристовъ, которыхъ и сейчасъ болѣе, чѣмъ достаточно въ ея рядахъ. Ей лучше очиститься отъ лишнихъ элементовъ, обогатиться отъ буржуазнаго наслѣдства, чтобы съ орденской суровостью отдаться своему строгому служенію.

Но, отказываясь отъ лишнихъ рублей, интеллигенція тѣмъ болѣе должна настаивать на уваженіи къ ней — въ странѣ, гдѣ поправіе интеллигенціи такъ долго было возведено въ систему.

Эта защита достоинства прежде всего требуетъ огражденія независимости своего труда отъ всякаго вторженія самоуѣреннаго невѣжества. Мы не можемъ принять никакихъ приказовъ и указаній въ области нашей компетенціи. Нынѣ въ Россіи сапожники (фигуральные) учатъ художниковъ, а вахмистры писателей. Русская интеллигенція глубоко унижена или сама себя унизила. Это ея великій грѣхъ передъ культурой и Россіей. Нелегко ей будетъ изгладить изъ памяти народной эти позорныя страницы вольнаго и невольнаго рабства. Но она должна искупить ихъ. Искупить самоотверженной борьбой за свободу своего святого ремесла.

Въ прошломъ, въ первые годы революціи ея свобода нерѣдко попиралась рабочимъ или челоуѣкомъ изъ народа, впервые ворвавшимся въ храмъ культуры и учинившимъ въ немъ порядочный погромъ. Въ будущемъ опасность угрожаетъ, кажется, не отъ рабочаго, а отъ солдата. Политически Россію завтрашняго дня, въ ея трудной международной и между-національной обстановкѣ, трудно представить себѣ иначе, чѣмъ въ формѣ военной или полувоенной диктатуры. Опытъ всѣхъ современныхъ диктатуръ показываетъ, какъ трудно дается имъ самоограниченіе. Нашъ вѣкъ соблазняетъ тоталитарностью, и генералъ, привыкшій рѣшать политическіе и соціальныя вопросы своего времени, кончаетъ декретами въ области поэзін и музыки. Такая перспектива обязываетъ быть на стражѣ. Интеллигенція должна оградить свою духовную свободу отъ всѣхъ покушеній, откуда бы они ни исходили, снизу или сверху, отъ рабочаго, крестьянина или солдата, отъ партійнаго, государ-

ственного и даже — случай, конечно, для России фантастический, — клерикального вмѣшательства.

Но это ограждение достоинства культуры не исчерпывается долгомъ политической независимости. Еще большее значеніе, пожалуй, имѣеть возстановленіе должныхъ іерархическихъ отношеній между учителемъ, или мастеромъ, и ученикомъ. Эта давно уже разрушенная въ Россіи іерархія требуетъ того, чтобы ученикъ относился съ уваженіемъ къ учителю, который посвящаетъ его въ тайны своего искусства или науки. Учитель не софистъ, торгующій мудростью, а служитель мудрости. Признаніе высшей цѣнности требуетъ уваженія къ тѣмъ, кто стоитъ на высшей ступени посвященія или искусства. Не уважая себя, заискивая передъ народомъ, интеллигенція въ прошломъ приучила народъ относиться къ ней безъ всякаго уваженія. Революція породила цѣлыя поколѣнія самоувѣренныхъ полузнаекъ, которые снисходятъ до спецовъ, но мстятъ имъ презрѣніемъ за прошлое неравенство. А между тѣмъ безъ искренняго сознанія неравенства нельзя и представить себѣ культурнаго восхожденія. Всякій работникъ культуры, занимающійся не только личнымъ творчествомъ, но и учительствомъ, долженъ начинать съ того, чтобы вызвать въ ученикъ, безотносительно къ его уровню, сознаніе своего невѣжества. Ученичество начинается со смиренія. За смиреніемъ — трудовая аскеза. Кто не хочетъ итти методомъ Сократа — и сказать отъ всего сердца «я ничего не знаю», не можетъ быть допущенъ въ строящійся храмъ. Здѣсь не должно быть никакой преступной снисходительности. Никто не долженъ читать передъ аудиторіей глумящейся или даже скучающей. Никто не долженъ учить тѣхъ, въ комъ не встрѣчается достаточнаго уваженія. Культура не должна быть недоступной, но не должна быть и общедоступной. Она окружена кольцомъ, если не огня, то трудового искусства, и путь къ ней, особенно къ ея вершинамъ, долженъ рисоваться по образу исканія Грааля.

Конечно, прежде чѣмъ заставить народъ такъ относиться къ своему служенію, интеллигенція должна сама повѣрить въ него. Для этого нуженъ глубокий переворотъ въ самой культурѣ и ея пониманіи. Культура должна быть понята религиозно, или она будетъ растоптана тяжелымъ сапогомъ демагога. На уваженіе не можетъ претендовать ни легко продающаяся, скептическая буржуазная интеллигенція ни рабѣдствующая интеллигенція тоталитарныхъ народовъ. И здѣсь и тамъ культурная элита находится въ процессѣ своего разложенія. Воскрешеніе ея требуетъ прежде всего возсозданія духовной іерархіи

лѣнностей, и потому уже социальнаго воспитанія и организаціи, ей соответствующихъ. «Ищите прежде всего Царствія Божія»...

5.

Остается послѣднее большое сомнѣніе. Отрекаясь отъ традицій народничества и призывая русскую интеллигенцію на новый, культурно-аристократическій путь, не совершаемъ ли мы духовной измѣны? Измѣны не только нашимъ отцамъ, — тѣмъ, что сами такъ легко отрекались — но и чему-то высшему. За культурно - политическимъ кенозисомъ русской интеллигенціи не скрывается ли болѣе глубокой кенозисъ — религиозный? Да, такъ оно и есть, конечно. Въ отрицаніи государственно-культурнаго идеала Ренессанса (Петра) русское народничество безсознательно выражало отношеніе къ нему русской религиозной души. Кенотично было русское христіанство съ младенческими своими лѣтъ. Первымъ русскимъ народникомъ можно признать преп. Феодосія Печерскаго. Народъ, возлюбившій во Христѣ превыше всего образъ убогаго смиренія, народъ, хранившій до нашихъ дней — единственный во всемъ христіанскомъ мірѣ — культъ юродивыхъ, имѣть, несомнѣнно, свое особое религиозное призваніе. Посвятить на него не значитъ ли совершать отступничество отъ того, что является самымъ заветнымъ въ душѣ народа?

Борьба съ народничествомъ очень распространена въ наше время. Но часто она ведется съ такимъ пафосомъ, на такомъ языкѣ, что христіанинъ не можетъ не почувствовать себя уязвленнымъ. Въ борьбѣ противъ народничества, какъ въ борьбѣ противъ Толстого (или въ современной борьбѣ противъ іудаизма) сплошь и рядомъ, сознательно или безсознательно, происходитъ возстаніе противъ Христа.

Кенозисъ есть одна изъ существеннѣйшихъ идей, или, точнѣе, одинъ изъ основныхъ фактовъ христіанства. Можетъ быть, главный — но не единственный. На немъ нельзя строить ни политики ни культуры, — въ этомъ убѣдилъ насъ и горькій опытъ исторіи. Но на немъ можно строить духовную жизнь, и это обязываетъ насъ въ отношеніи къ нему къ крайней осторожности.

Культура, какъ и политика, не принадлежитъ къ самому глубокому и высшему плану бытія. Но бытіе многопланно, и христіанство сложно. Его истина, объемлющая всѣ истины, есть совпаденіе противоположностей, *coincidentia oppositorum*; то, что отрицается въ одномъ изъ низшихъ плановъ, утверждается въ высшемъ. Въ вѣрѣ, въ личной религиозной жизни для тѣхъ,

кто воспитанъ въ русской православной традиціи, нѣтъ ничего выше кенотическаго опустошенія. Но даже и здѣсь, въ отрывѣ отъ другихъ данныхъ христіанскаго опыта, кенотизмъ можетъ быть соблазномъ.

Христіанская любовь двухсторонняя: она намъ открылась одновременно и какъ Эросъ, любовь восходящая, творческая, радостная, и какъ Агапе — нисходящая, сострадательная, жертвенная любовь. Сейчасъ много спорятъ о томъ, какая любовь является по преимуществу христіанской. Безполезный споръ: онѣ не могутъ существовать одна безъ другой. Чистый Эросъ приводитъ къ язычеству, чистая, кенотическая Агапе — къ моральному атеизму. Конечно, культура вырастаетъ изъ Эроса — изъ творческой радости объ истинѣ, о красотѣ. Но въ этической сферѣ Эросъ измѣняетъ намъ и нуждается въ кенотическомъ восполненіи. Впрочемъ, можетъ быть, не только въ восполненіи. Эросъ, самъ себя опустошающій въ жертвенномъ снисхожденіи — къ міру и человѣку — есть все же высшій образъ любви. По крайней мѣрѣ, таковъ завѣтъ русскаго христіанства.

Вотъ почему, восстанавливая іерархическій строй культуры, не будемъ думать, что этотъ строй есть уже строй Царствія Божія. Последнее слово мудрости — о собственномъ невѣжествѣ. Последнее слово земной красоты — въ обезображенномъ крестной мукой Лицѣ.

Было бы глубоко печально — хотя исторически и діалектически естественно — если бы будущая русская интеллигенція замкнулась въ гордомъ самодовѣніи. Ея борьба за достоинство своего служенія не должна закрывать отъ нея послѣдней правды о своей человѣческой нищетѣ. Отставая себя передъ господствующимъ уже народомъ и его вождями, она должна по-прежнему склоняться передъ нищимъ и страдальцемъ. Нищета и страданіе — мета-соціальны. Это духовныя категоріи палшаго міра. Склоняясь передъ ними, мы склоняемся передъ Тьмъ, Кто одинъ можетъ искупить всѣ страданія міра и превратить въ чудесныя сокровища его нищету.

Г. Федотовъ.